

Борис Морозов воспаляет своих актеров

Производственные мощности Бориса Морозова

Спектакль «На дне» Театра Российской Армии снискал необычайную любовь театрального истеблишмента

Лет так двадцать назад особой любовью критиков пользовался эпигет «мощный». «Мощные» метафоры Любимова, «мощная» образность Струва. Интересно, кто на нынешнем безрыбье мог бы достойно нести этот титул? Женовач для него слишком закомплексован, Фокин слишком сложен, Фоменко слишком осторожен и все вместе слишком уклончивы: избегая обязывающих комплиментов, они ставят о чем-то своем, заведомо не масштабном, и брезгают обобщениями. Остается Борис Морозов.

Всю жизнь он делал крепко сколоченные спектакли с внятным мотивировками, отчетливыми — порой даже слишком — характеристиками и твердо выученным чередованием «медленных» и «быстрых», «тихих» и «громких» сцен. В лучшем случае это было профессионально, но никогда не претендовало на что-то большее. Лет семь-восемь назад, когда Женовач ставил «Гучину», а Гинкас выпускал «Записки из подполья», смешно было и подумать о том, что когда-нибудь Морозов обойдет их в гонке за славой.

И вот время пришло. Гинкасовский «Макбет», заявленный в программе Третьего театрального фестиваля им.

Чехова, показан так и не был, зато Морозов порадовал фестивальную публику премьерой «На дне». Спустя месяц наш герой получил «Хрустальную Турандот», на которую одновременно с ним претендовали Фокин и Женовач. При этом приемы, которыми Морозов посылает в нокдаун свою публику, остались точно теми же: за прошедшие годы он не изменился ни на йоту.

Единственное, что он обрел, перебравшись несколько лет назад на сцену Театра Российской Армии, — это сверхчеловеческий размах и добротные производственные мощности. В «На дне» он задействовал их сполна. Художник Иосиф Сумбаташвили выстроил на сцене ужасающих размеров сооружение. Наэлектризованные своим режиссером актеры принялись кричать там как митингующие англо-лювцы. Эта пьеса и всегда-то приводила господ артистов в нездоровое возбуждение, позволяя им с надрывом зачитывать Беранжера и безнаказанно биться в многочасовую истерику. Но под руководством Морозова начинает форсировать голос даже Борис Плотников, ни в чем таком раньше не замеченный. Громче всех подает текст ис-

полнитель роли Сатина Дмитрий Назаров — фактурный мужчина из тех, что обычно рисуют на обложках женских романов обнимающим оцепеневшую от страсти блондинку. Закономмерно, что именно он получил свою принцессу — Хрустальную Турандот — за лучшее исполнение мужской роли.

Постановочные мощности Морозова не стоили бы обсуждения, если бы не тот необъяснимый успех, которого они, по видимости, позволяют добиться. Ведь из всех наворотов, им придуманных, из всех этих вскриков и затемнений, роковой красной подсветки и вакхических плясок на арьер-сцене, невозможно выудить ни одной идеи, которая превратила бы театральные красоты в полноценные метафоры. «На дне» сработано в духе армейского символизма: громко и невнятно. Режиссер мучительно пытается нам что-то сказать — продемонстрировать связь времен или, наоборот, подчеркнуть абстрактность своих образов, — но его message упорно сопротивляется любой расшифровке. Так выкрикивают приветствия на параде — вроде ни слова не разберешь, но бодрость вселяет.

Почести, которыми осыпана эта

бедная премьера, свидетельствуют о том, что Морозов уловил что-то существенное в современной конъюнктуре, сделав ставку на проверенные ходы и самоуверенную безвкусицу. Его анонимный режиссерский почерк стал идеальным воплощением рутины, а рутина сейчас в необычайной цене. Когда театр переживал так называемый «кризис», коллеги мечтали о возрождении Большого Стиля. Сейчас мы, затаив дыхание, присутствуем при этом процессе. И видим: на свет рождается безмозглый клон былого искусства, художественная «пирамида», полная обесцененных метафор и не обеспеченных содержанием эффектов. Наверное, это и есть та самая традиция, о которой грезилось так долго. Теперь остается только ждать: Стиль вырастет, окрепнет, подчинит себе все культурное пространство и породит наконец новых варваров, которые с удовольствием его разрушат, соберут из обломков свое искусство, потом, перед выходом на пенсию, впадут в творческий кризис и будут мечтать о какой-то небывалой традиции, от которой можно плясать как от печки... Replay.

Виктория НИКИФОРОВА